

КОТИНА А.В.
KOTINA A.V.

**РИТУАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС РУБЕЖА VI – V вв. до н.э.
ИЗ ТИРИТАКИ
THE RITUAL COMPLEX OF THE TURN OF THE 6th – 5th CENTURY BC
FROM TYRITAKE**

В настоящее время боспорский город Тиритака в результате активной работы, выполняемой научным коллективом под руководством В.Н. Зинько, по праву является одним из самых изученных городищ Европейского Боспора [Зинько, Зинько, 2022, с. 244 – 296]. Каждый археологический сезон дает ценный и интересный материал, позволяющий реконструировать историю развития древнего города, а также пролить свет на различные области жизни тиритацкого общества. Известно, что наибольшие сложности вызывает реконструкция элементов духовной сферы древних жителей – их верований, культов, обрядов и пр. Однако археологические свидетельства следов совершения ритуальных действий при надлежащей их фиксации все же могут помочь прояснить некоторые аспекты этой важнейшей части жизни древних боспорян.

Исследователи уже не раз отмечали, что древнегреческая религия была ритуализированной и ритуальные действия сопутствовали практически всем важным делам. Необходимыми составляющими поклонения божеству были молитва и приношения жертв и вотивных даров [Кузьмина, 2013, с. 96]. Письменные источники начиная с Гомера активно сообщают о различных жертвоприношениях, обрядах и других культовых действиях. На основании этих данных, а также имеющихся археологических источников, можно сказать, что процесс организации сакральной жизни боспорян в целом находился в русле общегреческих традиций [Кузьмина, 2013, с. 99], хотя и имел свои местные особенности.

В процессе исследования древней Тиритаки было открыто немалое количество культовых объектов разного рода. О некоторых из них мы ранее уже писали. Особый интерес в этой связи для нас представляет священный участок площадью не менее 500 кв. м, расположенный на западной городской окраине и получивший условное название «Западный теменос Тиритаки». Время его функционирования определяется с 530 – 540 гг. до н. э. вплоть до рубежа эр. В позднеархаическое время Западный теменос, исследованная площадь которого составляет 350 кв. м, с юга и севера был ограничен нежилыми постройками, а с запада – возведенной в последние два десятилетия VI в. до н. э. крепостной стеной. Определение восточной границы священного участка затруднительно в связи с разрушениями, вызванными военными действиями 1943 – 1944 гг. [Зинько, Котина, Каспаров, 2022, с. 45 – 46]. В процессе исследования западного священного участка были открыты интереснейшие культовые объекты,

анализ и осмысление которых дает значимую информацию для реконструкции ритуальной практики. Среди подобных объектов, кроме прочих, ямы, которые принято считать ботросами.

В ходе археологического сезона 2017 г. на XXVII раскопе в квадрате № 24 были зафиксированы две ямы – яма № 33 и яма № 34 [Зинько, Зинько, 2018, с. 50] (рис. 1). Они располагались в северной части квадрата, к северу от восточной оконечности стены № 50а. На уровне фиксации, который соответствовал уровню основания стены № 50а, яма № 33 представляла собой круглое в плане пятно диаметром около 0,85 м более темного с характерным золистым оттенком цвета, яма № 34 – также более темное пятно овальной формы размерами 1,48x1,90 м, большая ось которого ориентирована север – юг. Ямы были прокопаны в плотном серо-коричневом глинистом грунте, на расстоянии примерно 2,55 м (между условными точками в центре горловин) друг от друга, яма № 34 – северо-западнее ямы № 33, на северной границе квадрата.

Яма № 33 (рис. 2, рис. 3) колоколообразной формы, глубиной 2,12 м, горловина круглая диаметром – 0,82 м, незначительно смещена к юго-востоку относительно центра дна ямы, дно ровное диаметром 1,95 м. В придонной части ямы с северо-западной стороны выявлена каменная кладка, перекрывавшая нишу размерами 0,74x0,53 м. Кладка выполнена из разноразмерного необработанного известкового камня (размеры от 0,31x0,10x0,17 м до 0,08x0,05x0,07 м), иррегулярная, однослойная, однолицевая (рис. 2.2). Глубину ниши установить не представляется возможным ввиду того, что задняя ее часть была разрушена, возможно, в результате сооружения ямы № 34. Заполнение однородное по всей глубине ямы и представляло собой рыхлый золистый грунт темно-серого цвета с более темными прослойками и линзами.

Материал из ямы представлен фрагментами светлоглиняных лутериев, хиосских, протофасосских, лесбосских, клазоменских амфор, светлоглиняных аттических и сероглиняных кувшинов, большим количеством фрагментов восточно-ионийской и аттической чернолаковой и чернофигурной столовой керамики, фрагментами светильников, костями животных. Комплекс аттической чернофигурной керамики¹ представлен следующими сосудами: фрагмент тулова чаши «с глазами» (510 – 500 гг. до н. э.), фрагменты чаши «с глазами» типа А с изображением Диониса и сатира (500 – 480 гг. до н. э.) (рис. 9); фрагмент чаши «с пояском и растительным орнаментом» (530 – 510 гг. до н. э.) три фрагмента скифосов типа Е с изображением сфинкса и пальметты (500 – 490 гг. до н. э.), фрагмент скифоса типа О с пальметтой (530 – 500 гг. до н. э.) [Петракова, Букина, 2021, с. 116 – 120].

Остеологические материалы из ямы представлены пятнадцатью фрагментами

¹ Здесь и далее описание и датировки чернофигурной и чернолаковой аттической керамики даны по каталогу: Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритакки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.

костей коровы, четырьмя фрагментами костей овцы, а также одной костью свиньи².

Среди индивидуальных находок следует отметить ручку протофасосской амфоры с клеймом (вт. пол. VI – пер. пол. V в. до н.э. по В.И. Кацу) (рис. 4.1), фрагменты горл хиосских амфор с дипинти (вт. пол. V в. до н.э. по С.Ю. Монахову) (рис. 4. 2 – 3), тулово серолощенной ойнохои (вт. пол. VI в. до н.э.) (рис. 5; рис. 7.1), восточноионийскую ойнохою (вт. пол. VI в. до н.э.) (рис. 6; 7.2), граффити на донцах восточноионийских и аттических чернолаковых сосудов (рис. 8), пирамидальное керамическое грузило и бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 4. 4, 5). В целом по материалу яму № 33 можно датировать кон. VI – пер. четв. V в. до н. э.

Особенный интерес представляет такой элемент ямы, как ниша, закрытая каменной стенкой, при разборке которой была обнаружена великолепная чернофигурная аттическая ольпа [Зинько, 2021, с. 26, рис. 7] с изображением танцующей менады и двух бородатых вакхантов (рис. 10 – 11). Судя по характеру повреждений и компактному расположению фрагментов, вероятно, ольпа была помещена в нишу целой и разрушилась под воздействием давления грунта.

Сосуд относится к классу Ватикана G. 50, возможно, Мастер Родос 12242 и датируется 510 – 500 гг. до н. э. [Петракова, Букина, 2021, с. 124]. Как справедливо отмечают исследовательницы, данная ольпа представляет собой редкий пример практически целой чернофигурной вазы из материалов Тиритаки [Букина, 2021, с. 45]. Ольпа с округлым устьем, венчик имеет миндалевидный профиль, с внутренней стороны уплощенный. На венчике – четыре ряда шахматного орнамента, обрамленного сверху и снизу полосами черного лака. На шейке – орнамент из ориентированных вниз бутонов лотоса, соединенных стеблями, между ними точки, снизу и сверху от цепи бутонов – по две линии черным лаком, ниже – поясок с двумя рядами точек в шахматном порядке, соединенных зигзагообразными линиями [Петракова, Букина, 2021, с. 125]. В клейме, на тулове сосуда, изображена танцующая менада в нарядном хитоне с повязкой поверх волос, собранных в узел на затылке; слева и справа от нее помещены фигуры двух обнаженных бородатых вакхантов; снизу, по сторонам от менады, – по виноградской лозе. У всех персонажей выставлена вперед левая нога³.

Известно, что сюжеты дионисийского круга пользовались огромной популярностью на Боспоре. Это касается как изображений самого Диониса, так и персонажей фиаса этого бога, олицетворяющих таинственное единение с божеством. Участниками божественной свиты могли быть сатиры, силены, вакханки, менады, а также реальные люди – почитатели Диониса. Персонажи из свиты пребывали в священном экстазе, выражающемся в танце, а также позах, демонстративно нарушающих социальные нормы [Букина, 2021, с. 44 – 45]. Кроме того, как отмечают иссле-

² Определение остеологических материалов из ям № 33 и № 34 выполнено старшим научным сотрудником института истории материальной культуры РАН в Петербурге, к.и.н. А.К. Каспаровым.

³ Подробное описание ольпы и аналогии к ней приведены в каталоге: Петракова А. Е., Букина А.Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.

дователи, «Дионис имел и ярко выраженное хтоническое значение, выступая покровителем умерших в подземном мире и принося им хоть малую толику веселья через вино, возливаемое на могилах родственниками» [Молева, 2019, с. 310]. Учитывая сюжет, можно предположить, что в ходе проведения какого-то ритуала, связанного с почитанием Диониса в его хтонической ипостаси, ольпа, вероятно в качестве приношения, была помещена в подготовленную нишу, которая затем была тщательно и аккуратно заложена, а сама яма засыпана, одномоментно или в течение некоторого времени. В пользу этого предположения может свидетельствовать и идея, высказанная известным исследователем древнегреческой религии М. Нильссоном, который, рассуждая о типах алтарей в святилищах, приходит к выводу, что в культах хтонических божеств преимущественно использовались алтари с каменной или из сырцового кирпича обкладкой для сжигания (эсхара) и/или ботросы – ямы, символизирующие подземный мир, куда сбрасывались votивные дары или жертвоприношения [Nilsson, 1976, s. 78].

Как было сказано выше, с северо-запада к яме № 33 примыкала еще одна яма, являющаяся составной частью комплекса (рис. 3). Яма № 34, расширяющаяся книзу, глубиной 2,21 м, горловина неправильной округлой формы размерами 1,48x1,96 м в верхней части и 1,48x1,57 м на глубине 0,70 м, за счет формирования на этом уровне выступа шириной до 0,34 м в южной части горловины ямы. Дно ямы круглой формы диаметром около 2,55 м, слабовогнутое, с заметным уклоном к юго-востоку. В придонной части ямы с юго-западной стороны сооружена ниша размерами 1, 21x1,00 м, глубиной до 0,32 м. Заполнение ямы однородное по всей глубине и представляет собой рыхлый мешаный глинистый грунт с разноразмерными фракциями серо-коричневого и желто-коричневого цвета, с включениями светло-желтого сырца. Материал из ямы, как и в случае с соседней ямой №33, представлен различными фрагментами светлоглиняных лутериев, хиосских, лесбосских, протофасосских и клазоменских амфор, многочисленными фрагментами столовой восточноионийской и аттической чернолаковой и чернофигурной керамики, среди которой: фрагмент тулова пиксиды с изображением танцующей женщины (500 – 490 гг. до н. э.); фрагмент плечика гидрии (?) с изображением менады (530 – 510 гг. до н. э.); фрагмент плечика гидрии (?) с изображением сатира (530 – 510 гг. до н.э.); фрагмент чаши «с глазами» (520 – 510 гг. до н. э.); фрагменты чаш «на низкой ножке с широкой полосой по краю и растительным декором» (посл. треть VI в. до н. э.); фрагмент миниатюрной чаши-скифоса с растительным орнаментом (кон. VI – нач. V в. до н. э.); фрагмент скифоса с изображением фигуры в плаще (ок.500г. до н. э.); фрагмент леканы с сохранившейся частью изображения фигуры в плаще и лебеда (третья четв. VI в. до н. э.); фрагмент чернолакового килика (пер. четв. V в. до н. э.). Кроме того, из заполнения происходят фрагменты и целые формы восточноионийских и чернолаковых аттических светильников (рис.12.1), фрагменты печины, каменных изделий и большое количество фрагментов костей животных, представленных двумя фрагментами костей лошади, 54 – костей

коровы, 20 – костями овцы или козы, 9 – костями свиньи, а также 17 – костями рыбы, 3 – костями птицы, 2 – костями собаки и одной костью дельфина. Среди индивидуальных находок следует отметить фрагмент аттического лутерия с граффито, фрагмент ручки протофасосской амфоры с клеймом (вт. пол. VI – пер. пол. V вв. до н.э. по В.И.Кацу) (рис. 12.2), донца чернолаковых аттических сосудов с граффити (рис.13), фрагмент светлоглиняного кувшина с дипинто, лепной горшок (рис. 14), пирамидальное керамическое грузило (рис. 12.5), железный гвоздь (рис. 12.4), бронзовый трехлопастной наконечник стрелы (рис. 12.3) и прекрасной сохранности амулет, отполированный до блеска, с отверстием для подвешивания, изготовленный из клыка дикого кабана (рис. 12.6). По материалу яма № 34, так же как и яма № 33, датируется кон. VI – пер. четв. V в. до н. э. Характер находок, дата и конструктивные особенности позволяют рассматривать ямы № 33 и № 34 как единый комплекс ритуального характера. Стоит отметить, что анализ находок из восьми других ям, исследованных в непосредственной близости от рассматриваемого нами комплекса, сооруженных примерно в то же время и имеющих хозяйственное назначение, очевидно, указывает на исключительный характер рассматриваемого нами объекта.

Ямы, содержащие материал культового характера, широко известны в Северном Причерноморье и на Боспоре со времен архаики и традиционно в среде исследователей обозначаются ботросами. Однако, как представляется из анализа публикаций, в отношении терминологии и классификации подобного рода памятников есть определенные проблемы. Так, в словаре терминов, размещенном на сайте Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, дано определение ботроса как «Ботрос (греч. βόθρος – яма) – яма для захоронения вышедших из употребления ритуального инвентаря и votivov» [<http://www.antic-art.ru/refer/terms/index.php>]. В этом же контексте определяют ботросы исследователи древнейшего теменоса Ольвии. Авторы указывают, что ботрос относится к группе примитивных алтарей и в отличие от бомоса, который предназначался для культа главных олимпийских богов, использовался в хтонических культах, т.к. сброшенные в него пожертвования и возлияния могли достигнуть границ подземного царства. При этом, исходя из того, что на исследованных священных участках Ольвии отправлялись культы не только хтонических божеств, полагают – ботросы служили в основном для «захоронения священного мусора», хотя не исключают, что первоначально ямы могли использоваться и для каких-либо обрядовых действий, а также хранения продуктов для возлияний – вина и масла [Древнейший теменос Ольвии Понтийской, 2006, с. 67]. В результате анализа рассматриваемых объектов исследователи разделяют ботросы на три большие группы, учитывая их размеры: микро-, месо- и макроботросы [Древнейший теменос Ольвии Понтийской, 2006, с. 68].

Исследуя различные типы алтарей в Херсонесе, в контексте семейной религии, Т.М. Шевченко отмечает, что «немаловажными... являлись и ямки с засыпью. Их называют примитивными алтарями, служившими либо маркером и местом для отде-

ления сакральных остатков от профанной территории, или же заменителями алтарей для возлияний» [Шевченко, 2007, с. 163]. Ямки могли заполняться либо остатками ритуальной трапезы, либо разбитой после трапезы или возлияния посудой.

Ямы в качестве «ямных святилищ» рассматривает Д. Агрэ, высказывая предположение, что они являлись «элементом культа мертвых и связанных с ним божеств» и считались местом общения живых и мертвых [Агрэ, 2002, с. 278]. В.Г. Зубарев, анализируя различные культовые объекты городища Белинское, отмечает, что к таковым можно отнести и некоторые ямы, имеющие вполне определенные функциональные различия, а также то, что хотя идея так называемых ямных святилищ в историографии не нова, тем не менее убедительной классификации этих объектов нет [Зубарев, 2015, с. 175]. На городище Белинское выделяются три группы ям: 1. Ямы, которые использовались для сброса отслуживших срок вотивных предметов (ямы-фависсы?); 2. Собственно «ямные святилища», которые использовались для совершения какого-то обряда; 3. Ямы для сброса золы от возжигания священного огня [Зубарев, 2015, с. 175 – 176]. Особый интерес, в связи с нашим случаем, представляет яма, которая относится автором как раз к категории ямных святилищ – в ней на дне лежала зернотерка, а «рядом в небольшом подбое – обгорелый амфориск» [Зубарев, 2015, с. 177].

Рассматривая позднеантичные ямы на юго-западном участке некрополя Китея, В.А. Хршановский предполагает их ритуальный характер, выдвигая идею о том, что открытый некрополь мог одновременно являться и своеобразным святилищем [Хршановский, 2020, с. 424].

В зарубежной историографии исследователи называют ботросами искусственно созданные углубления в земле, которые могли служить различным целям, как ритуальным, так и вполне утилитарным [Hutchinson, 1935, p. 1 – 19]. Таким образом, как представляется, вопрос о терминологии и назначении ботросов является открытым и требует специального рассмотрения.

Что же касается рассматриваемых объектов из Тиритаки, то можно достаточно уверенно констатировать их ритуальный характер. Принимая во внимание все сказанное выше и акцентируя внимание на том, что сцена на чернофигурной аттической ольпе относится к сюжетам дионисийского круга, причем представляет собой конкретное культовое действие, а также преобладание среди чернолаковых и чернофигурных фрагментов сосудов для вина (особенно чаш и скифосов), можно предположить, что ритуальный комплекс из двух ям и захороненной ольпы связан с совершением обряда, относящегося к почитанию Диониса, тем более что в конце VI–V вв. до н. э. получает распространение орфический культ Диониса, где бог выступал в архаической ипостаси Загрея – покровителя душ умерших, способствующего возрождению [Кузина, 2011, с. 650]. Стоит отметить, что за время исследования Тиритаки подобный объект был открыт впервые. На наш взгляд, это крайне важное свидетельство ритуальной практики, которое расширяет наши представления о религиозной сфере жизни древних тиритакцев.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агрэ Д. К вопросу о ритуальных ямах во Фракии и Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Ч. 2. СПб., 2002. С. 278.
- Букина А.Г. Мифологические изображения на чернофигурной керамике из Тиритаки // Боспорские исследования. Т. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 44 – 73.
- Древнейший теменос Ольвии Понтийской // МАИЭТ, Supplementum 2. Симферополь, 2006. 501 с.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. Исследование боспорского города Тиритака в 2017 г. // История и археология Крыма. №8. Симферополь, 2018. С. 50 – 52.
- Зинько В.Н. Из ранней истории Тиритаки // Боспорские исследования. Вып. XLIII. Керчь-Симферополь, 2021. С. 22 – 43.
- Зинько В.Н., Зинько А.В. 90 лет археологических исследований Тиритаки на Боспоре Киммерийском // Боспорские исследования. Т. XLV. Керчь-Симферополь, 2022. С. 244 – 296.
- Зинько В.Н., Котина А.В., Каспаров А.К. Жертвенно-сакральный комплекс с Западного теменоса Тиритаки // Боспорские исследования. Т. XLV. Керчь-Симферополь, 2022. С. 45 – 72.
- Зубарев В.Г. Культовые объекты на городище у с. Белинское в Восточном Крыму (по материалам раскопок 1996 – 2014 гг.) // Древности Боспора. Т. 19. М., 2015. С. 161 – 183.
- Кузина Н.В. К вопросу о распространении культа Диониса среди местного варварского населения Северного Причерноморья // Боспорский феномен. Население, языки, контакты. СПб., 2011. С. 649 – 654.
- Кузьмина Ю.Н. Организация ритуалов и жертвоприношений в эллинском святилище // Самарский научный вестник № 4 (5). Самара, 2013. С. 96 – 100.
- Молева Н.В. Терракоты дионисийского круга из фондов Муромского историко-художественного музея (коллекция графов Уваровых) // Боспорские исследования. Т. XXXIX. Керчь-Симферополь, 2019. С. 310 – 319.
- Петракова А. Е., Букина А. Г. Аттическая чернофигурная и чернолаковая керамика Тиритаки. СПб.-Керчь, 2021. 312 с.
- Хршановский В.А. Позднеантичные ритуальные ямы на юго-западном участке некрополя Китея // Древности Боспора. Т. 25. М., 2020. С. 407 – 442.
- Шевченко Т.М. Алтари в семейной религии античного Херсонеса // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб., 2007. С. 162 – 168.
- Hutchinson P.W. Bothroi // The Journal of Hellenic Studies. Vol. LV. London, 1935. P. 1 – 19.
- Nilsson M.P. Geschichte der griechischen Religion. München, 1976.

REFERENCES

- Agre` D. K voprosu o ritual`ny`x yamax vo Frakii i Severnom Prichernomor`e // Bosporskij fenomen. Pogrebal`ny`e pamyatniki i svyatilishha. Ch. 2. SPb., 2002. S. 278.
- Bukina A.G. Mifologicheskie izobrazheniya na chernofigurnoj keramike iz Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. T. XLIII. Kerch`-Simferopol`, 2021. S. 44 – 73.
- Drevnejshij temenos Ol`vii Pontijskoj // MAIE`T, Supplementum 2. Simferopol`, 2006. 501 s.
- Zin`ko V.N., Zin`ko A.V. Issledovanie bosporskogo goroda Tiritaka v 2017 g. // Istoriya i arxeologiya Kry`ma. №8. Simferopol`, 2018. S. 50 – 52.
- Zin`ko V.N. Iz rannej istorii Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. Vy`p. XLIII. Kerch`-Simferopol`, 2021. S. 22 – 43.
- Zin`ko V.N., Zin`ko A.V. 90 let arxeologicheskix issledovanij Tiritake na Bospore Kimmerijskom //

- Bosporskie issledovaniya. T. XLV. Kerch`-Simferopol`, 2022. S. 244 – 296.
- Zin`ko V.N., Kotina A.V., Kasparov A.K. Zhertvenno-sakral`ny`j kompleks s Zapadnogo temenosa Tiritaki // Bosporskie issledovaniya. T. XLV. Kerch`-Simferopol`, 2022. S. 45 – 72.
- Zubarev V.G. Kul`tovy`e ob`ekty` na gorodishhe u s. Belinskoe v Vostochnom Kry`mu (po materialam raskopok 1996 – 2014 gg.) // Drevnosti Bospora. T. 19. M., 2015. S. 161 – 183.
- Kuzina N.V. K voprosu o rasprostraneni kul`ta Dionisa sredi mestnogo varvarskogo naseleniya Severnogo Prichernomor`ya // Bosporskij fenomen. Naselenie, yazy`ki, kontakty`. SPb., 2011. S. 649 – 654.
- Kuz`mina Yu.N. Organizaciya ritualov i zhertvoprinoshenij v e`llinskom svyatilishhe // Samarskij nauchny`j vestnik. № 4 (5). Samara, 2013. S. 96 – 100.
- Moleva N.V. Terrakoty` dionisijskogo kruga iz fondov Muromskogo istoriko-xudozhestvennogo muzej (kolleksiya grafov Uvarovy`x) // Bosporskie issledovaniya. T. XXXIX. Kerch`-Simferopol`, 2019. S. 310 – 319.
- Petrakova A. E., Bukina A. G. Atticheskaya chernofigurная i chernolakovaya keramika Tiritaki. SPb.-Kerch`, 2021. 312 s.
- Xrshanovskij V.A. Pozdneantichny`e ritual`ny`e yamy` na yugo-zapadnom uchastke nekropolya Kiteya // Drevnosti Bospora. T. 25. M., 2020. S. 407 – 442.
- Shevchenko T.M. Altari v semejnoy religii antichnogo Xersonesa // Bosporskij fenomen. Ch. 2. SPb., 2007. S. 162 – 168.

Резюме

В ходе исследования античного города Тиритака в 2017 г. на территории Западного теменоса городища был открыт комплекс, состоящий из двух ям, примыкавших друг к другу, в стенке одной из которых была сооружена ниша, куда была помещена аттическая чернофигурная ольпа с дионисийским сюжетом. Учитывая этот факт, датировку, а также характер находок из заполнения ям, мы предполагаем ритуальный характер данного комплекса и его возможную связь с хтонической ипостасью культа Диониса.

Ключевые слова: Тиритака, ритуал, ольпа, менада, Дионис, ботрос, вино.

Summary

During the examination of the Tyritake antique settlement in 2017, a complex consisting of two pits adjacent to each other was discovered on the territory of the Western Temenos of the settlement. In the wall of one of these a niche was built in which an attic black-figure olpa with a Dionysian plot was placed. Considering this fact, the dating, as well as the nature of the findings from the filling of the pits, we assume the ritual nature of this complex and its possible connection with the chthonic hypostasis of the cult of Dionysus.

Key words: Tyritake, ritual, olpa, maenad, Dionysus, botros, wine.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Котина Алла Викторовна, к.и.н.,
научный сотрудник,
Центр археологических исследований
Благотворительного фонда «Деметра»
(РФ, Республика Крым, г. Керчь, ул. Крупской, д. 50),
allakotina@mail.ru
+79787775201

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kotina Alla Viktorovna, CSc,
Researcher,
Non-Profitable Foundation Demetra,
Krupskoy st., 50, Kerch,
Republican Crimea,
allakotina@mail.ru
+79787775201

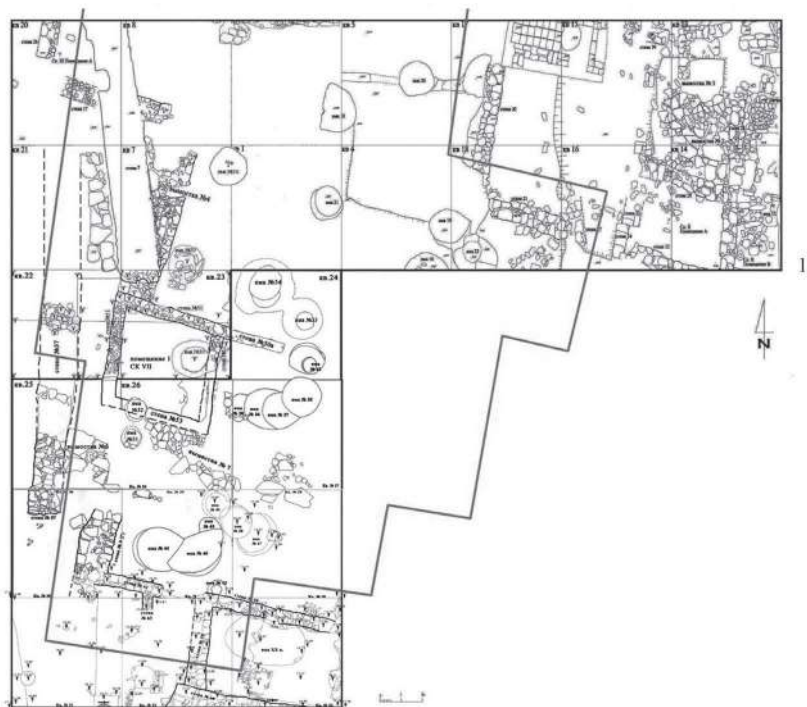
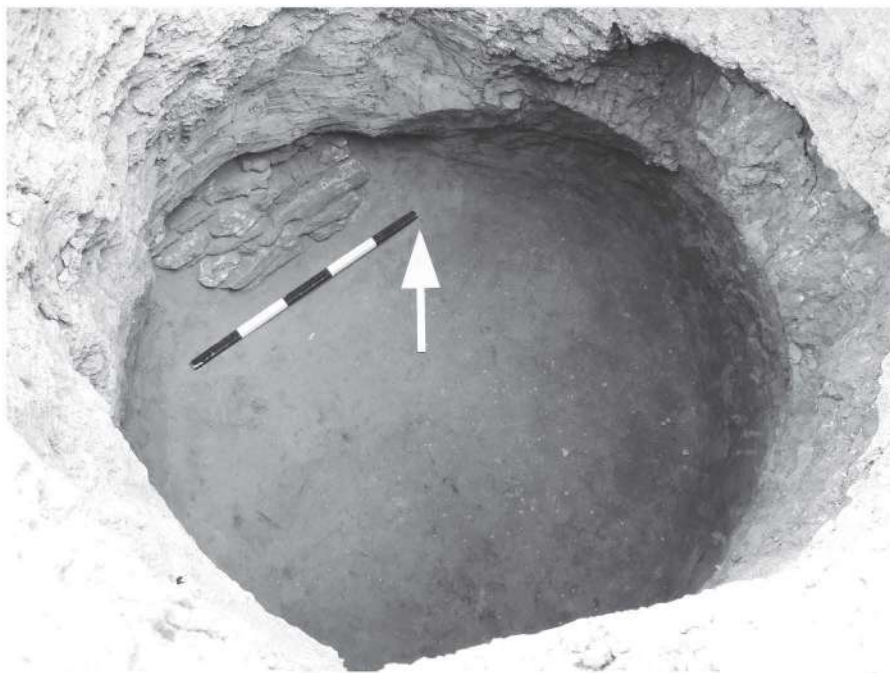

Рис. 1.1. Городище Тиритака. Раскоп XXVII с обозначением расположения ям № 33 и № 34.

Рис. 1.2. Раскоп XXVII. Ямы № 33 и № 34, общий вид.

1

Рис. 2.1. Раскоп XXVII. Яма № 33.

Рис. 2.2. Каменная кладка, закрывающая нишу, в северо-западной части ямы № 33.

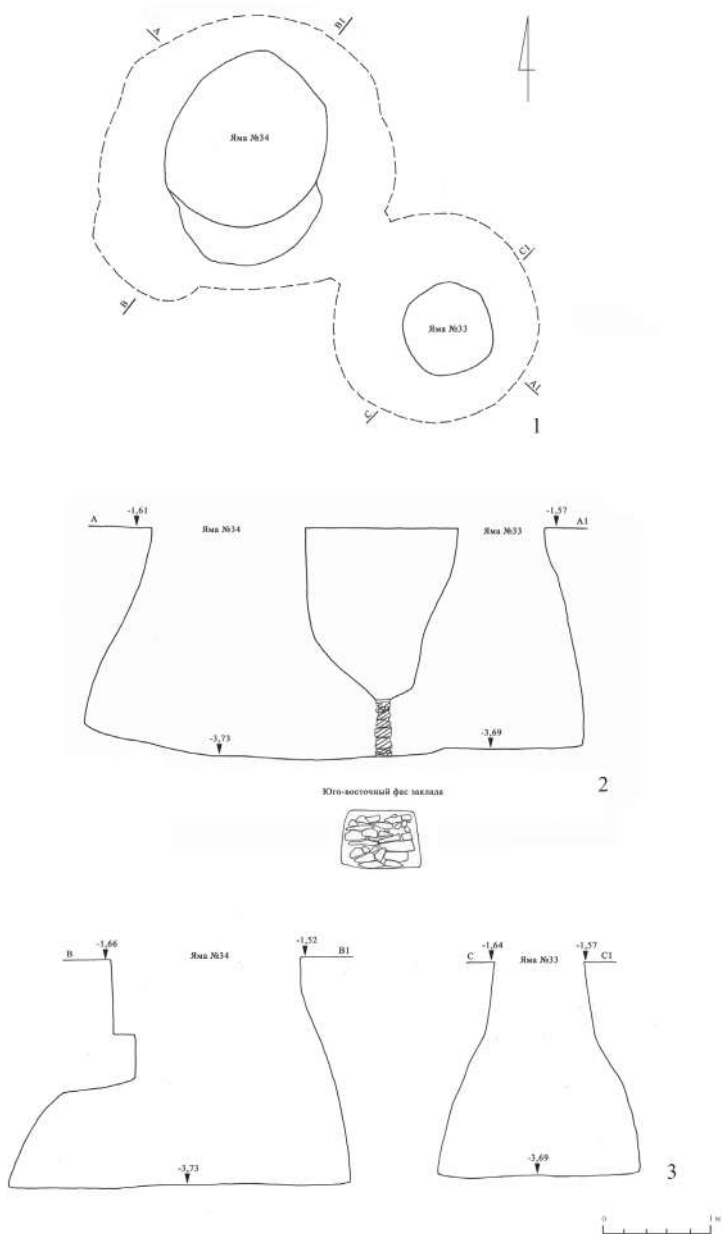

Рис. 3. План и разрезы ям № 33 и № 34.

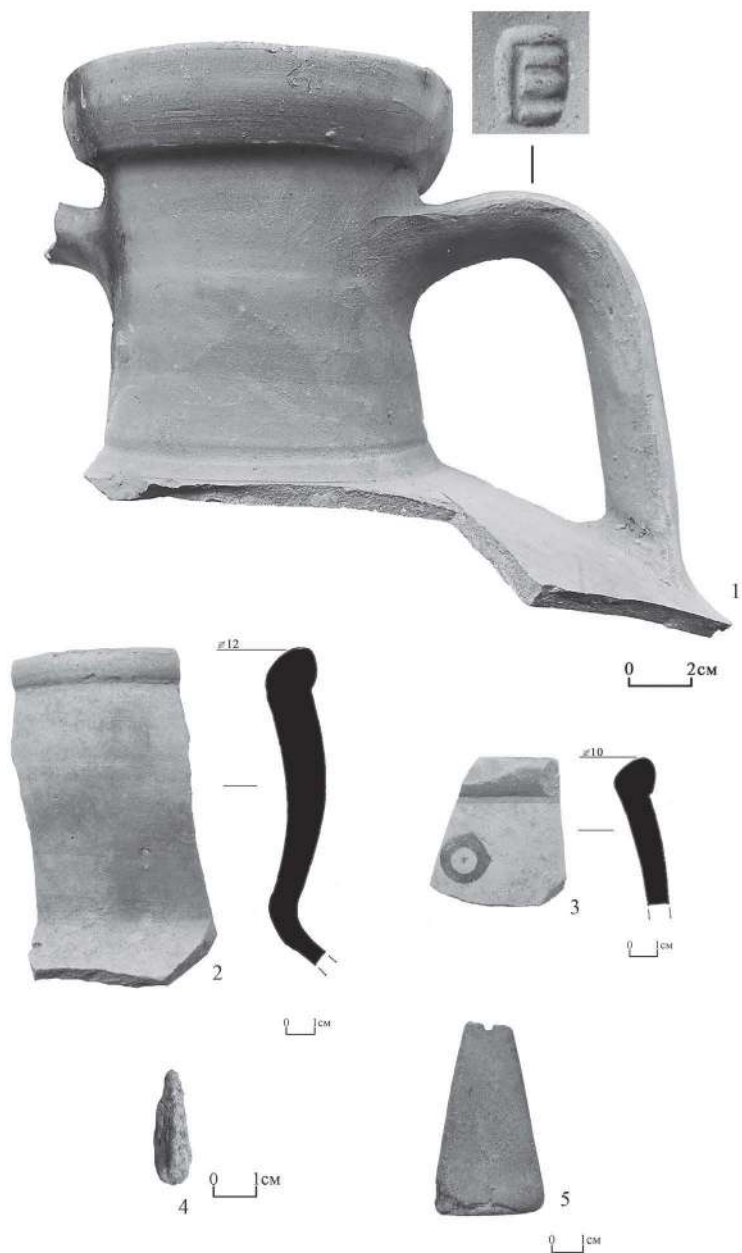

Рис. 4. Индивидуальные находки из заполнения ямы № 33.

0 5 см

Рис. 5. Тулово серолощенной ойнохои, вт. пол. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 33.

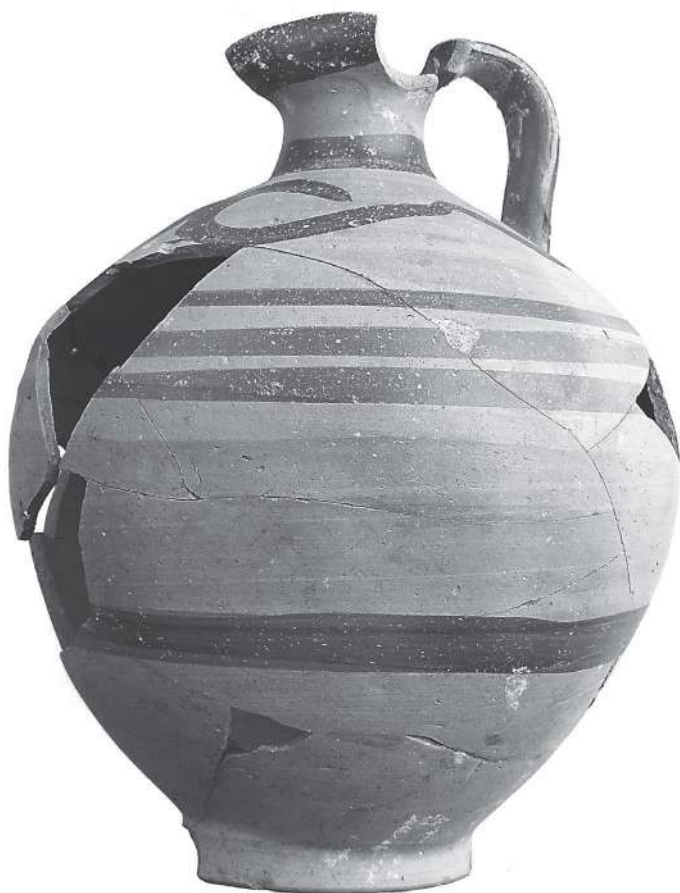

Рис. 6. Восточноионийская ойнохоя, вт. пол. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 33.

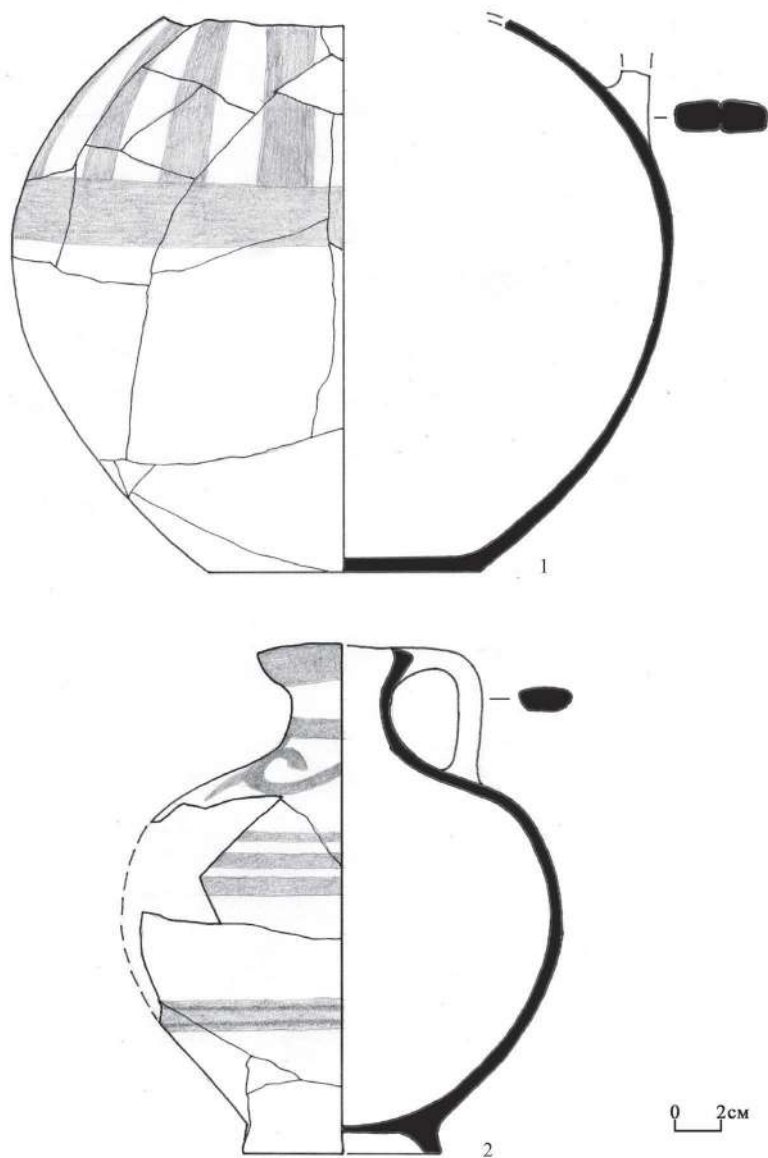

Рис. 7. Тулово серолощенной ойнохои и восточноионийская ойнохоия. Прорисовка.

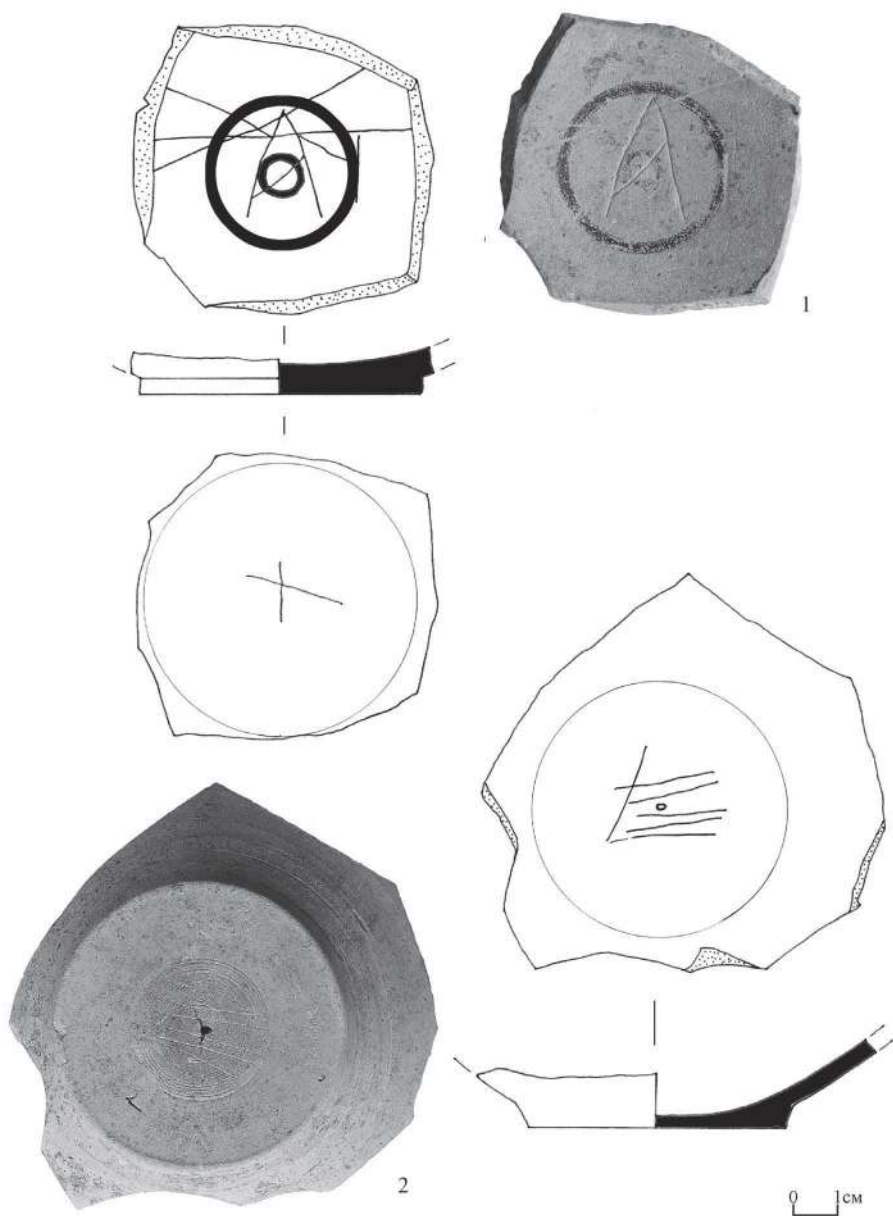

Рис. 8. Граффити на донцах восточноионийских сосудов из заполнения ямы № 33.

Рис. 9. Фрагмент чернофигурной аттической чаши с изображением Диониса и сатира. 500 – 480 гг. до н. э. из заполнения ямы № 33.

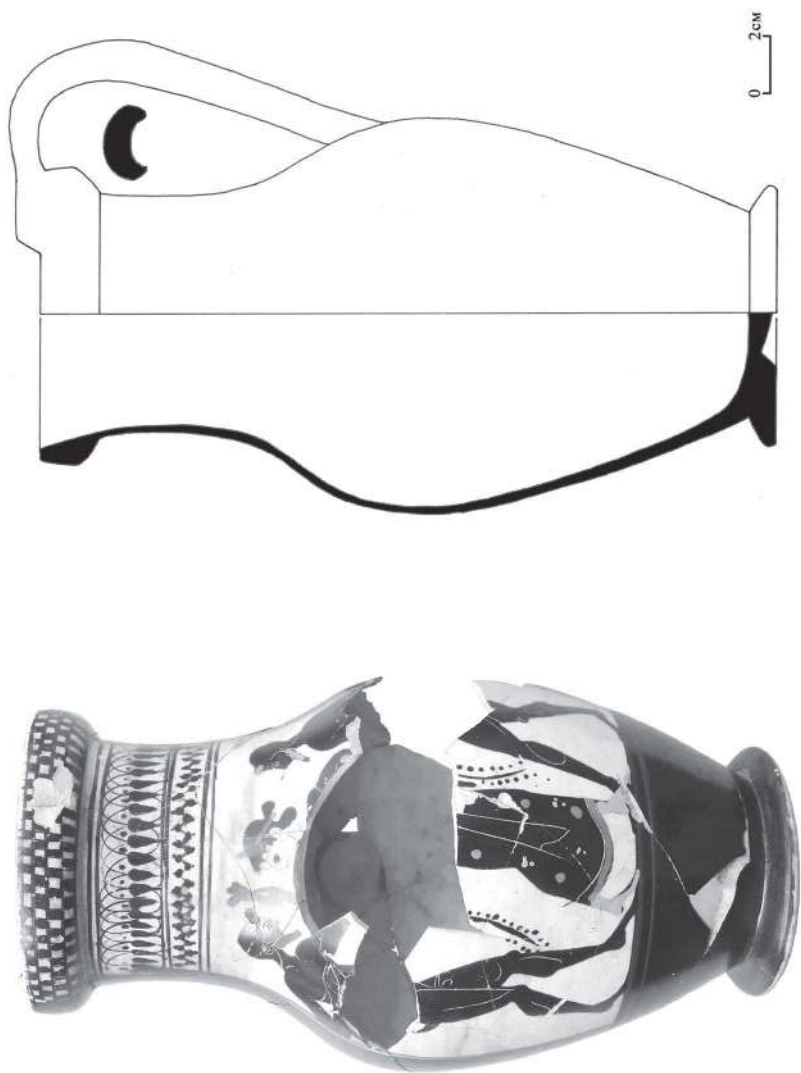

Рис. 10. Чернофигурная аттическая ольпа, 510 – 500 гг. до н. э.

Рис. 11. Чернофигурная аттическая ольпа, 510 – 500 гг. до н. э. Проекция.

Рис. 12. Индивидуальные находки из заполнения ямы № 34.

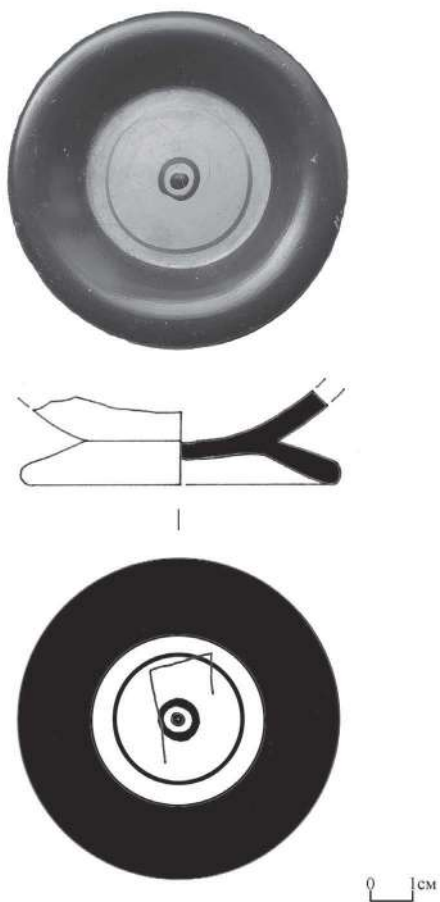

Рис. 13. Донце чернофигурного аттического скифоса с граффито, кон. VI в. до н. э. из заполнения ямы № 34.

Рис. 14. Лепной горшок из заполнения ямы № 34.